

В. М. БЕРЕЖКОВ

СТАНОВЛЕНИЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

ГЛАВНЫЕ ПАРТНЕРЫ

В первые месяцы 1943 г. Красная Армия одержала крупные победы. Окружение, разгром и пленение мощной группировки фельдмаршала Паулюса под Сталинградом, уверенное продвижение советских войск на южном участке фронта демонстрировали перед всем миром решающие преимущества советской стратегии и тактики, возросший боевой опыт советских воинов, высокое качество боевой техники. Победы на фронтах Великой Отечественной войны способствовали дальнейшему трудовому подъему в тылу, вдохновляли многонациональный советский народ в его стремлении добиться великой цели — очистить Родину от оккупантов, помочь народам Европы и всего мира покончить с фашистской чумой.

Все это существенным образом укрепляло роль и значение Советского Союза в антигитлеровской коалиции. Руководители западных держав все явственнее признавали, что даже в условиях отсутствия второго фронта СССР способен не только противостоять гитлеровской Германии, но и нанести ей сокрушающий удар. Советское государство раскрывало свои огромные силы, выступая как ведущая военная держава антифашистской коалиции. Вместе с тем наращивавшийся в Соединенных Штатах военно-промышленный потенциал все больше выдвигал США на первое место среди западных участников антигитлеровского военного союза. Постепенно СССР и США становились главными партнерами коалиции. Одновременно развивались и советско-американские связи.

Несмотря на уже имевшийся немалый опыт военного сотрудничества с СССР, в Вашингтоне в 1942—1943 гг. все еще господствовали различного рода превратные суждения о Советском Союзе. Одни считали, что Москва преследует какие-то «тайные» цели и потому сотрудничество с СССР чревато, дескать, «опасностями» и «риском». Другие умышленно поддерживали подобного рода предубеждения, стремясь не допустить возникновения атмосферы доверия, причем именно потому, что сами они лелеяли планы установления господства Америки в послевоенном мире и усматривали в Советском Союзе главное препятствие на пути достижения этой цели. Наконец, третьи искренне стремились к установлению дружественных отношений между СССР и США. Но все они были весьма далеки от понимания сущности советского строя. Впоследствии государственный секретарь США К. Хэлл писал в мемуарах: «В начале 1943 г. Россия была для нас полностью сфинксом во всех отношениях, за исключением лишь одного, а именно — она твердо стояла на ногах и сражалась героически».

Далее Хэлл отмечал, что при разработке курса США по отношению к Советскому Союзу вашингтонские политики ставили перед собой такого рода вопросы: что можно ожидать от Советского Союза в послевоенном мире? Будет ли СССР сотрудничать с западными державами? Присоединится ли Москва к будущей международной организации по поддержанию мира?

Разумеется, если бы в Вашингтоне дали себе труд серьезно проанализировать

Окончание. Начало см. в № 1 нашего журнала за 1973 г.

исток ленинской внешней политики Советского государства, если бы американские политики попытались понять его миролюбивый характер, отвечающий существу социалистического строя, они, возможно, смогли бы правильно оценить, «что можно ожидать от Советского Союза». Но правящие круги США не хотели этого сделать, ибо по-прежнему находились в плену превратных представлений о советской внешней политике, закрывавших, словно шоры, перспективу развития дружественных отношений США с Советской страной.

И тем не менее при всей сложности тогдашней обстановки советско-американские отношения в целом развивались позитивно, что проявлялось во многих конкретных совместных действиях, в согласованных решениях, достигнутых на взаимовыгодной основе. Общая политическая атмосфера улучшалась не только в итоге переговоров советских руководителей с приезжавшими в Москву высокопоставленными американскими представителями, но и в ходе систематических контактов Советского правительства с посольством США в Москве.

Мне вспоминается, например, беседа посла США в Советском Союзе адмирала Стэнли с главой Советского правительства, состоявшаяся 23 апреля 1942 г. На встрече присутствовал также нарком иностранных дел. Американский посол передал послание президента Рузвельта, который уполномочил посла выразить восхищение по поводу замечательной храбрости, твердости и смелости, проявленных Красной Армией, советским народом в отражении гитлеровского нашествия.

Стэнли сказал далее, что, хотя между США и СССР были некоторые недоразумения, президент Рузвельт полагает, что если бы он и Сталин могли сесть вместе за стол и обсудить все эти вопросы, то никаких недоразумений больше не возникало бы. В связи с этим, продолжал Стэнли, президент Рузвельт поручил ему внести предложение о встрече президента с главой Советского правительства где-нибудь на Аляске или в океанских водах, омывающих Сибирь, летом 1942 г., чтобы обсудить всю систему мировых проблем. Сталин поблагодарил за предложение президента, но сказал, что, хотя данный вопрос уже обсуждался в ряде посланий, до сих пор не удалось решить его так, чтобы это удовлетворило обе стороны. Сталин выразил надежду, что такую встречу удастся провести, хотя не сказал ничего о возможных сроках.

Стэнли стал говорить, что он, как посол США, видит свою задачу не только в том, чтобы поддерживать традиционные дружественные отношения, существовавшие между нашими странами, но также и развивать их всеми возможными средствами, что соответствует политике президента Рузвельта. Сталин приветствовал такое намерение и подчеркнул, что советская сторона также заинтересована в развитии отношений с США.

Эта беседа любопытна и тем, что в ней был затронут вопрос, по которому на протяжении длительного времени происходил обмен мнениями между советским и американским правительствами. Вашингтонские политики были тогда крайне заинтересованы во вступлении СССР в войну против Японии. Советское правительство проявляло здесь особую осторожность, избегая ситуаций, которые могли бы подвергнуть опасности Приморье и Дальний Восток. В тех случаях, когда американские самолеты, бомбившие Японские острова, делали вынужденную посадку на советской территории, их команды интернировали. Об американском бомбардировщике, который приземлился в Сибири, речь зашла и на этой беседе.

Сталин выразил сожаление, что пришлось интернировать экипаж, но добавил, что все члены команды находятся в безопасности. Он сказал далее, что пилот бомбардировщика следующим образом объяснил происшедшее: самолеты, которые должны были совершить налет на Японию, поднялись с аэродрома, находившегося на слишком удаленном расстоянии от объекта бомбардировки, его машине не хватило горючего, и он вынужден был сесть в Сибири.

Стэнли заметил, что, насколько ему известно, другие самолеты благополучно, долетели до Китая. Он уверял, что все они имели указание приземлиться именно там по бомбардировщик, севший в Сибири, видимо, не смог достичь китайской территории. Посол США был несколько смущен тем, что вынужденная посадка американского самолета в Сибири выглядит как преднамеренное действие. Но Сталин не проявлял особого беспокойства по поводу этого инцидента, о котором, как и о других подобных случаях, советская пресса сообщила.

Проблема Японии не сходилa с повестки дня советско-американских отношений и в последующее время. 17 июня 1942 г. посол Стэнли направил И. В. Сталину послание от имени президента Рузвельта, в котором говорилось, что ситуация, складывающаяся в северном районе Тихого океана, а также в районе Аляски, не исключает возможности операций японского правительства против Советского Приморья. «Если подобное нападение осуществится,— говорилось в послании,— то Соединенные Штаты готовы оказать Советскому Союзу помощь американскими военно-воздушными силами при условии, что Советский Союз предоставит этим силам подходящие посадочные площадки на территории Сибири. Конечно, чтобы быстрее осуществить подобную операцию, необходимо было бы тщательно координировать усилия Советского Союза и Соединенных Штатов».

В послании делалась ссылка на полученное Рузвельтом от советского посла в США М. М. Литвинова уведомление о том, что Советское правительство согласно на переброску американских самолетов через Аляску и Северную Сибирь на Западный фронт. Выразив удовлетворение по этому поводу, Рузвельт вновь вернулся к вопросу о возможном нападении Японии на Советское Приморье и подчеркнул, что военные силы обеих стран должны быть готовы к возникновению этой новой опасности в Тихом океане. «Я считаю,— говорилось в послании,— что вопрос настолько срочный, что имеются все основания дать представителям Советского Союза и Соединенных Штатов полномочия приступить к делу и составить определенные планы. Поэтому я предлагаю, чтобы Вы и я назначили таких представителей и чтобы мы направили их немедленно для совещания в Москве и Вашингтоне».

26 июня Молотов, ссылаясь на поручение Сталина, направил через американского посла Стэнли письмо для передачи Рузвельту. В нем говорилось, что Советское правительство полностью разделяет мнение относительно необходимости создания воздушного маршрута для поставок самолетов из США через Аляску и Сибирь на Западный фронт. Имея это в виду, Советское правительство уже дало необходимые распоряжения, чтобы в самое ближайшее время закончить работу по подготовке к приему самолетов. Эта работа включает переоборудование существующих посадочных площадок и реорганизацию аэродромных служб. Что касается вопроса о том, чьи летчики должны доставлять самолеты с Аляски, то это дело можно поручить, как предполагал одно время государственный департамент, советским летчикам, которые будут посланы в Ном на Аляску или другое подходящее место в условленное время. Чтобы полностью обеспечить прием этих самолетов, советской стороне важно знать, какое их количество планируется перебросить по этому маршруту.

Что касается предложения о встрече представителей армии и военно-морского флота США и СССР в целях обмена информацией, то Советское правительство выразило согласие провести ее в Москве.

В конечном счете была достигнута договоренность о такой встрече. Президент Рузвельт назначил американскими представителями генерал-майора Фоллета Брэдли, а также военно-морского атташе в Москве капитана Данкена и военного атташе в Москве полковника Микела. В инструкции генералу Брэдли его задачи были сформулированы следующим образом: организовать поставки через Аляску самолетов в Сибирь и на Западный фронт и обеспечить Советское правительство информацией относительно наличия самолетов, которые должны быть переброшены сибирским маршрутом.

О приготовлениях, связанных с возможными совместными действиями в случае японского нападения на Приморье, в инструкции ничего не говорилось. Возможно, что к тому времени в Вашингтоне уже не считали этот вопрос столь срочным. Во всяком случае опасения насчет подобных действий Японии не подтверждались никакими серьезными данными. Это нашло отражение и в послании, направленном президентом Рузвельтом Сталину 5 августа. В нем говорилось: «До меня дошли сведения, которые я считаю определенно достоверными, что правительство Японии решило не предпринимать в настоящее время военных операций против Советского Союза. Это, как я полагаю, означает отсрочку какого-либо нападения на Сибирь до весны будущего года».

Важное значение для развития отношений между СССР и США имели в тот период визиты в нашу страну видных американских общественных и политических деятелей. Среди них особое место заняла поездка Уэндела Уилки — лидера республиканской партии и наиболее вероятного кандидата этой партии на президентский пост. Самолет с Уилки приземлился на аэродроме в Куйбышеве во второй половине дня 17 сентября 1942 г. Американского гостя встречали представители наркомата иностранных дел, городские власти, работники посольства США. С аэродрома все направилось в загородную резиденцию, предоставленную в распоряжение Уилки. Затем он посетил наркомат иностранных дел, а вечером американский посол устроил прием, на который были приглашены работники наркоминдела, представители местных властей, а также главы дипломатических представительств, находившихся в Куйбышеве.

На следующий день Уилки осматривал различные предприятия Куйбышева, беседовал с рабочими и служащими. Среди вопросов, которые ему задавали, чаще всего фигурировала проблема открытия второго фронта в Европе. Сначала Уилки отделялся общими фразами, уверяя, будто США стремятся как можно скорее открыть второй фронт, что, дескать, требует серьезных приготовлений. Вникать же в подробности он отказывался. 19 сентября состоялась прогулка на пароходе по Волге. Затем американский гость посетил один из крупных совхозов. Когда на приеме, устроенном дирекцией совхоза, с советской стороны был поднят тост за скорейшее открытие второго фронта, Уилки поднялся для ответного слова.

— Соединенные Штаты, — сказал он, — хотят скорейшего открытия второго фронта, но Великобритания этого сейчас не хочет...

Вечером А. Я. Вышинский устроил прием в честь Уилки, на котором присутствовал также американский посол. Во время приема Уилки много говорил о необходимости улучшать взаимопонимание между советским и американским народами. Эту же тему он развивал и по приезду в Москву, причем, как потом жаловалось посольство США госдепартаменту, Уилки действовал слишком независимо от посольства.

В этой связи стоит упомянуть об инциденте, который произошел в ходе подготовки визита Уилки к Сталину. Находясь 21 сентября вместе с послом США у Молотова, Уилки выразил пожелание встретиться со Сталиным и попросил помочь в этом. Молотов сказал, что выяснит, имеется ли такая возможность, и сообщит Уилки о результатах. Получив позднее положительный ответ, Уилки не поставил об этом в известность Стэнли. Последний, однако, что-то проведаль и, сделав соответствующий запрос в протокольном отделе наркоминдела, получил подтверждение, что встреча действительно назначена в 7.30 вечера 23 сентября. Вслед за этим посол спросил у Уилки, следует ли понимать всю эту ситуацию так, что он не должен сопровождать Уилки к Сталину. Без особой дипломатии Уилки ответил, что именно так он и считает, пообещав, впрочем, проинформировать Стэнли о существовании беседы.

В свою очередь Уилки спросил у посла, стоит ли ему поднимать какие-либо специальные вопросы при встрече. Обиженный посол ограничился замечанием, что Уилки следует придерживаться тех полномочий, которые он получил от президента Рузвельта, и не вступать в официальные переговоры, являющиеся прерогативой посольства. У американского посольства, сказал Стэнли, есть некоторые вопросы, которые оно хотело бы обсудить, но поднимать их при встрече, на которой не присутствует посол США, было бы нецелесообразным.

Что же касается самой беседы, то в ходе ее Сталин интересовался внутривнутриполитическим положением США и планами республиканской партии. Уилки уверял, что республиканская партия выступает за совместные действия великих держав в борьбе против общего врага, и выражал надежду, что она одержит победу на предстоящих выборах. Встреча Сталина с лидером оппозиционной партии, несомненно, имела важное значение для советско-американских отношений. Она показала, что не только правящая партия, но и круги, стоящие в оппозиции, придают большое значение развитию контактов с Советским Союзом. В конце беседы Уилки попросил у Советского правительства разрешения вернуться в США через Сибирь и получил на это согласие.

2 сентября Сталин дал обед в честь Уилки. После обеда все отправились в соседнюю комнату пить кофе. Сталин пригласил за свой столик Уилки, Молотова, Уман-

ского, Ворошилова, Соболева, британского и американского послов, а также генерала Брэдли. Во время беседы Сталин спросил, почему американский посол не возвращается в Москву. Тот ответил, что остается в Куйбышеве, считая этот город официальной резиденцией дипломатического корпуса. Тогда Сталин посоветовал ему поскорее переехать в Москву.

— Я не вижу причин, почему бы этого не сделать, — продолжал он, и, улыбнувшись, добавил:

— Может быть, Вы боитесь немецких бомбежек? Так их теперь здесь уже не бывает.

Стэнли принялся уверять, что у него подобного и в мыслях нет. Он готов в любой момент перебраться сюда.

— Однако, — спросил посол, подхватив шуточный тон, — не создаст ли это трудностей в отношениях Советского Союза с японцами? Они ведь останутся в Куйбышеве?

Сталин серьезно ответил, что это никакого значения не имеет, поскольку через два-три месяца все дипломатические представительства вернутся в Москву.

Американский посол сказал, что очень польщен вниманием и предложением вернуться в Москву, где, как он подчеркнул, действительно принимаются все важные решения. Он добавил, что незамедлительно отдаст соответствующие распоряжения.

Предлагая послу США переехать в Москву до того, как из Куйбышева вернутся все другие дипломатические представительства, Сталин, видимо, хотел подчеркнуть особый характер советско-американских отношений того периода.

В ходе дальнейшей беседы американский посол спросил Сталина, слышал ли он сообщение о выступлении в Токио министра иностранных дел Масаюки Тани, только что назначенного на этот пост. Сталин ответил отрицательно, и тогда Стэнли пояснил, что новый японский министр сделал заявление в том смысле, что японо-советские отношения остаются в прежнем состоянии, что нет никаких недоразумений и трудностей на маньчжурской границе и там не ожидается никаких осложнений.

— Это заявление меня заинтересовало, — продолжал посол, — поскольку в Куйбышеве распространяются слухи о переговорах, якобы происходящих между японцами и русскими. Не следует ли понимать, что переговоры закончились удовлетворительно?

— Такие переговоры, — ответил Сталин, — действительно имели место.

Потом, немного помолчав, добавил, что, как ему сообщили, гитлеровцы потребовали, чтобы японцы совершили нападение на советскую Сибирь. Японцы ответили, что если немцы смогут снабдить Японию миллионом тонн стали, а также алюминием и другими материалами, которые требуются Японии, то последняя готова будет рассмотреть предложение немцев. Однако Берлин отказался выполнить это условие, и тогда Япония в свою очередь отказалась выступить против Советского Союза.

— Отказ Германии удовлетворить японские требования, — заключил Сталин, — означает, что немцам недостает стали и других материалов. Это также означает, что и Япония испытывает недостаток в сырье и других военных материалах...

Около полуночи Сталин предложил посмотреть фильм «Оборона Москвы». Все перешли в небольшой кинозал, примыкавший к парадным залам. Фильм продолжался около часа, после чего было подано шампанское. Гости стоя обменивались впечатлениями о фильме, говорили о перспективах войны, о многих трудностях, которые еще предстояло преодолеть участникам антигитлеровской коалиции. Уилки коснулся продовольственной проблемы в Советском Союзе. Сталин заметил, что он не собирался обсуждать сейчас эту проблему, но, поскольку Уилки проявил к ней интерес, он обрисует положение в общих чертах.

— Немцы, — продолжал Сталин, — захватили всю Украину, Северный Кавказ и большую часть черноземных областей, которые являются самыми богатыми по производству пищевых продуктов в нашей стране. Поэтому продовольственное положение будет плохим в предстоящую зиму. Советскому Союзу потребуется 2 млн. т пшеницы, значительное количество концентрированных кормов и продуктов питания, таких, как масло, сгущенное молоко, жиры, мясные продукты и так далее. Если Великобритания и Соединенные Штаты направят суда, которые плавали бы под советским флагом, эти продукты нетрудно будет доставить в тихоокеанские советские порты. Уилки поблагодарил за информацию, но в существо дела не вдавался.

Переговоры с США по экономическим проблемам касались тогда главным образом

вопроса об ускорении поставок продуктов питания, улучшения их качества. Обсуждался также вопрос об отправке значительного числа грузов через тихоокеанские порты, поскольку в Атлантике все более нагло действовали гитлеровские подводные лодки, атаковавшие транспорты. Возникла, однако, проблема, под каким флагом должны плавать эти суда, поскольку американцы и англичане опасались нападений со стороны японского флота. Возможно, что, сказав об этом Уилки, лидеру оппозиции, Сталин хотел ускорить решение данной проблемы.

Около двух часов ночи гости разъехались из Кремля, а наутро Уилки отправился из Москвы домой через Сибирь и Аляску.

МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1943 г.

Минували первые месяцы 1943 г., и стали возникать все большие сомнения относительно готовности западных союзников выполнить обязательство об открытии второго фронта в Западной Европе в текущем году. Обещание, которое дал в августе 1942 г. Черчилль, а от имени президента США подтвердил Гарриман, — осуществить высадку в Северной Франции в 1943 г. вместо ранее согласованного вторжения в Нормандию в 1942 г. — не подкреплялось реальными делами. Естественно, что советская сторона не могла не интересоваться, как обстоит дело с обещанной операцией, которая должна была, наконец, снять часть бремени с Красной Армии, отражавшей натиск основных сил гитлеровской Германии и ее европейских союзников.

В первые месяцы 1943 г. в Лондоне и Вашингтоне то и дело вспоминали об этом обстоятельстве. Но потом было объявлено о совсем другом решении. В начале июня правительства Англии и США официально сообщили своему советскому союзнику, что и в 1943 г. англо-американского вторжения в Западную Европу не будет и что высадка в Нормандии произойдет только весной 1944 г.

Это повторное нарушение принятого Лондоном и Вашингтоном обязательства не могло не вызвать самой резкой реакции в Москве. Ведь это означало, что Советскому Союзу предстояло по меньшей мере еще в течение целого года противостоять основным силам держав «оси», нести и дальше колоссальные жертвы, тогда как западные союзники ограничивались ведением второстепенных операций. Как здесь было вновь не вспомнить о строившихся в определенных политических кругах Англии и США расчетах на то, чтобы по возможности обескровить главных участников вооруженного конфликта — Советский Союз и Германию с тем, чтобы в подходящий момент Лондон и Вашингтон могли добиться выгодных для себя условий мирного урегулирования.

Возникал серьезный вопрос о союзнических обязательствах западных участников антигитлеровской коалиции. Нельзя было не думать о том, что новое нарушение обещаний о втором фронте способно вызвать серьезный кризис доверия внутри коалиции, осложнить перспективу сотрудничества ее главных партнеров не только в оставшийся период войны, но и в послевоенное время. Послания, которые в данной связи глава Советского правительства направил Рузвельту и Черчиллю, были составлены в самом строгом тоне и содержали серьезные упреки западным союзникам.

В условиях этого нового осложнения в отношениях между главными участниками антигитлеровской коалиции началась подготовка к первому совещанию министров иностранных дел трех держав — СССР, США и Англии, которое состоялось в Москве с 19 по 30 октября 1943 г.

В день приезда в Москву английской и американской делегаций стояла редкая для нашей осени ясная и теплая погода. На центральном аэродроме по-летнему зелена трава, ветер едва колыхал флаги трех держав — участниц антигитлеровской коалиции. Гостей встречали В. М. Молотов, М. М. Литвинов и другие советские официальные лица. Первым прибыл самолет министра иностранных дел Великобритании. При появлении Идена оркестр исполнил «Встречный марш». Подойдя к микрофону, Иден заявил:

— Я весьма счастлив, что приехал снова в Москву на эту конференцию и воспользовался случаем сделать ответный визит господину Молотову, приезжавшему в прошлом году в Лондон. С большим удовлетворением я ожидаю предстоящих переговоров с ним и с г-ном Халлом,

Затем Иден и Молотов обошли строй почетного караула. Были исполнены гимны Великобритании и СССР. Едва закончилась церемония встречи, как в небе показался американский бомбардировщик, на борту которого находился государственный секретарь США. Ступив на советскую землю, Хэлл заявил:

— Особое удовлетворение доставляет мне посещение Москвы — столицы великой страны, объединившейся с моей страной в общем деле. Я также имею приятную возможность сделать ответный визит г-ну Молотову, народному комиссару иностранных дел, и с удовольствием ожидаю предстоящих переговоров с ним и г-ном Иденом...

Хэлл, высокий сухощавый старик, выглядел усталым. Казалось, ему трудно было произносить традиционную для таких случаев речь. Когда торжественная церемония завершилась маршем почетного караула, Хэлл, вяло улыбаясь, спросил Молотова, далеко ли до резиденции посла США, где он пожелал остановиться на время пребывания в советской столице. Намек был понят, и все поспешили к машинам.

Посольство США занимало в то время здание напротив Кремля, примыкающее к гостинице «Националь». Но резиденция посла находилась, где и сейчас, — в Спасо-Песковском переулке на Арбате. Отсюда и название, которое у американцев закрепилось за резиденцией, — «Спасо-Хауз». Позднее Хэлл в мемуарах с удовольствием вспоминал о пребывании в этом тихом уголке Москвы.

Отсюда было совсем недалеко и до особняка наркоминдела на Спиридоньевке. Этот дом принадлежал некогда текстильному фабриканту Савве Морозову, известному меценату, покровительствовавшему прогрессивным писателям, художникам и артистам того времени, нередко выручавшему большевиков (однажды Морозов спас Баумана от преследовавших его жандармов) и даже в случае необходимости готовому ссудить «на революцию» немалые суммы из своих капиталов.

Дом Морозова по архитектуре и по внутреннему убранству — подлинное произведение искусства. Окруженный старинным парком, он ласкает глаз строгими пропорциями поздней готики, а внутри декорирован лучшими скульпторами и живописцами начала XX в. Особенно прекрасны сохранившиеся до сих пор витражи работы Врубеля и сделанные по его эскизам чугунные решетки перил внутренних лестниц. Просторные парадные залы — каждая в своем стиле — украшены картинами старинных голландских и других мастеров, горками с тончайшим фарфором, статуэтками и серебряной посудой — образцами поистине уникальных произведений.

Пленарные заседания конференции проходили в большом мраморном зале, отделанном в стиле ампир. Здесь под огромной хрустальной люстрой стоял круглый стол, накрытый кремовой скатертью. В центре его на дубовой подставке были укреплены флажки трех держав — участниц конференции. Вокруг стола стояли кресла для глав делегаций и стулья в несколько рядов для других участников встречи.

Распорядок работы был такой: с 10 до 1 часу дня происходило пленарное заседание. Затем объявлялся перерыв на 40 минут. Все шли в столовую с огромным камином, перед которым на длинном столе, покрытом белой скатертью, были расставлены холодные закуски, прохладительные напитки. Подавались также кофе и чай. Каждый брал себе по вкусу что хотел. Большинство закусывало стоя, разбившись на группы и ведя неофициальные беседы. Вдоль стен стояло несколько небольших столиков и стульев, где можно было при желании посидеть. После перерыва заседание продолжалось до 5 часов, когда объявлялся перерыв на обед. Вечером снова созывалось пленарное заседание, которое иногда затягивалось за полночь. Впрочем, несколько вечеров были освобождены для посещения театров и концертов.

На первом пленарном заседании Московской конференции трех министров иностранных дел, открывшейся 19 октября, была согласована повестка дня конференции. Советский представитель роздал участникам переговоров проект повестки дня. Первым пунктом значились мероприятия по сокращению сроков войны, вторым пунктом — вопрос о подписании Декларации союзных держав. Советский делегат сказал, что было бы желательно также договориться о точной дате вторжения англо-американских войск в Северную Францию.

Следующее заседание конференции, состоявшееся 20 октября, было целиком посвящено проблемам, связанным с открытием второго фронта. Британский генерал Имей, а также американский генерал Дин подробно изложили англо-американские планы высадки через Ла-Манш весной 1944 г. Они отметили, что эти планы могут

быть осуществлены лишь при двух условиях. Первое заключалось в том, чтобы к тому времени союзники добились существенного уменьшения гитлеровской истребительной авиации в Северо-Западной Европе, второе условие — наземные войска гитлеровской Германии к моменту высадки не должны превышать определенного уровня.

Иден и Хэлл дали в принципе положительный ответ на вопрос относительно того, остается ли в силе данное Рузвельтом и Черчиллем в июне 1943 г. обещание осуществить вторжение в Северную Францию весной 1944 г. Оба министра уверяли, что это обещание будет точно выполнено, и сообщили также, что оно было подтверждено на недавней англо-американской конференции в Квебеке, хотя его и поставили в зависимость от условий, о которых только что говорилось. Во всяком случае подготовительные мероприятия, по словам английских и американских представителей, происходили усиленными темпами. Вместе с тем англичане и американцы не назвали точной даты высадки. Молотов сказал, что Советское правительство принимает к сведению эти заявления, так же как и заявления, сделанные генералом Исмеем и Дином. Он выразил надежду, что на этот раз вторжение будет, наконец, осуществлено.

Открытие второго фронта, как уже было сказано выше, затягивалось из года в год правящими кругами западных держав. Между тем широкие круги английского и американского народов энергично требовали безотлагательного вторжения во Францию, что самым радикальным образом способствовало бы скорейшему разгрому фашизма. Не случайно в адрес Московской конференции, а также на имя Идена и Хэлла, когда они находились в советской столице, из Англии, США, Канады и других стран поступило большое количество телеграмм, призывавших западных союзников к скорейшему открытию второго фронта. Повсюду в сознание людей глубоко проникла мысль, что, затягивая окончание войны, правительства США и Англии обрекают народы на новые жертвы и страдания.

Вот некоторые из этих посланий, попавших в английскую и американскую прессу. В телеграмме, адресованной Идену, говорилось: «Мы, жители Ньюпорта, собравшиеся на митинге, шлем Вам горячий привет и настаиваем на соглашении относительно быстрого открытия второго фронта, как единственного пути обеспечить скорую победу над фашизмом». Телеграмма из Бирмингема гласила: «Мы, члены авиационной секции Союза транспортников, настаиваем на жизненной необходимости немедленного открытия второго фронта и окончания войны в этом году». В одной из телеграмм, направленных в адрес Хэлла, можно было прочесть следующее: «Объединение американских рабочих электротехнической, радио- и механических отраслей шлут сердечные поздравления вашей конференции. Мы вместе с другими свободолюбивыми народами ожидаем великих решений, которые, без сомнения, будут приняты конференцией, чтобы привести эту войну к быстрому и победному концу. Наш союз энергично поддерживает создание западного фронта и настаивает на немедленном открытии западного фронта как средства нанесения полного военного поражения гитлеризму». Рядовые англичане и американцы желали успехов Московской конференции, скорой победы боевому союзу трех держав над фашистскими агрессорами.

21 октября на пленарном заседании конференции значительная часть времени была посвящена обсуждению проекта Декларации союзных держав по вопросу о всеобщей безопасности. При этом возник вопрос о правомочности конференции принять «Декларацию четырех» (США, Англии, СССР и Китая), поскольку на ней формально были представлены только три державы. Кроме того, советская сторона не хотела давать повода для осложнения отношений с Японией и считала неудобным создавать ситуацию, выглядящую так, словно во время московской встречи происходили и какие-то четырехсторонние переговоры, включая чанкайшистский Китай. Но к концу конференции (после встречи Хэлла с Сталиным) было принято совместное решение, чтобы Декларация исходила от четырех держав. Молотов при этом спросил, удастся ли за оставшееся время получить соответствующий ответ из Чунцина (столица Китая в военные годы), успеет ли китайский посол в Москве подписать Декларацию вместе с правительствами трех других держав. Хэлл ответил, что он лично займется этим делом, и выразил надежду, что китайский посол будет иметь необходимые полномочия до конца конференции. Действительно, ответ из Чунцина был получен незамедлительно. 30 октября три министра иностранных дел и китайский посол в Москве подписали Декларацию четырех государств, заложившую фундамент послевоенного устройства

и наметившую некоторые основные принципы деятельности будущей Организации Объединенных Наций.)

Помимо задачи о сокращении сроков войны и связанной с ней проблемы второго фронта на Московской конференции обсуждались также и другие вопросы, по которым была достигнута значительная степень договоренности. В их числе были: германский вопрос, положение в Италии, судьба Австрии, учреждение Европейской консультативной комиссии и некоторые другие.

Во время одного из перерывов в работе совещания, когда все прогуливались в садике, окружающем особняк на Спиридоньевке, Хэлл в разговоре с Молотовым заметил, что он хотел бы представить английской и советской делегациям по отдельности набросок некоторых соображений в отношении Германии. Хэлл сказал:

— Это неофициальное предложение Соединенных Штатов, нечто такое, что просто должно показать ход наших мыслей. Поскольку речь идет об ориентировочных предложениях, мы с вами можем свободно их обсудить. Затем, если вы хотите, мы могли бы поговорить об этом и с Иденом и узнать, что думает он...

Молотов заинтересовался этим наброском и спросил, нельзя ли получить текст этого документа, чтобы более внимательно изучить его. Хэлл тут же передал его Молотову.

На следующий день снова во время перерыва в заседаниях Молотов, прогуливаясь с Хэллом, сказал:

— Я показал вашу бумагу премьеру Сталину, и он в принципе отнесся к ней положительно. Существо ее отражает советские идеи относительно обращения с Германией после победы над ней. Поэтому мы согласны поддержать эти идеи, как основу для дальнейшей работы над соответствующим документом.

Предложения, о которых идет речь, исходили из требования безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Власти Германии или ее военные представители должны были подписать соответствующий документ. Окончательный документ должен был содержать признание факта полного поражения гитлеровской Германии, уполномочивать державы-победительницы выполнять все права оккупирующей власти по всей территории Германии, обязывать германские власти передать всех военнопленных и других лиц — граждан Объединенных Наций, угнанных в Германию. Объединенные Нации уполномочивались регулировать демобилизацию германских вооруженных сил, обеспечить освобождение политических заключенных, ликвидацию концентрационных лагерей и задержание военных преступников. Германские власти должны были поддерживать в должном состоянии учреждения, занимающиеся экономическим контролем, включая их штаты, сохранить полную документацию и оборудование для дальнейшей передачи Объединенным Нациям, которые уполномочивались наблюдать за экономической деятельностью в Германии.

Предусматривалось также, что германская территория должна быть оккупирована британскими, советскими и американскими войсками. Имелось в виду, что все нацистские официальные лица будут устранены и любые признаки нацистского режима искоренены. Нацистская партия подлежала роспуску. Германия обязана была уплатить репарации за материальный ущерб, причиненный Советскому Союзу и другим союзным державам, и оккупированным странам, причем объем репараций должен был определяться комиссией по германским репарациям, состоящей первоначально из представителей трех держав. Германия полностью разоружалась, лишалась постоянной армии и генерального штаба. Что касается границ, то предполагалось этот вопрос рассмотреть при общем урегулировании германской проблемы.

Обсуждение этого плана на Московской конференции показало, что в отношении оккупационного статуса Германии в общем наметились совпадающие точки зрения. Характерно, что многие из выдвинутых тогда положений легли в основу оккупационного статуса, утвержденного впоследствии державами антигитлеровской коалиции.

Обсудить на конференции положение в Италии предложила советская сторона. Следует иметь в виду, что к тому времени значительная часть Италии была уже очищена англо-американцами от фашистских войск. Летом 1943 г. Италия капитулировала, режим Муссолини был свергнут. Однако силы реакции в стране были не полностью разгромлены. На них опирались американские и английские власти. Англо-американские оккупационные власти с первых же дней своей деятельности подвер-

гались серьезной критике со стороны как демократических кругов Италии, так и прогрессивной общественности других стран. Естественно, поэтому, что на Московской конференции советская делегация запросила у союзников подробную информацию о выполнении соглашения о перемирии с Италией. Советская делегация представила свои предложения о мерах, которые должны были обеспечить ликвидацию фашизма и способствовать развитию страны по демократическому пути.

По этому поводу произошла весьма острая дискуссия. Иден уверял, что меры, которые проводят союзники, направлены именно на демократизацию. Хэлл поддерживал своего английского коллегу и пообещал совместно с ним составить специальный документ и представить его конференции, в котором будет содержаться хронологический и подробный список всех мероприятий, которые оба правительства осуществили в Италии после вторжения в Сицилию. Молотов подчеркнул, что необходимо все же сделать публичное заявление трех держав относительно Италии, которое включало бы советские предложения. Это предложение в конечном счете было принято и нашло отражение в утвержденной конференцией Декларации.

Московская конференция постановила также создать Консультативный совет по вопросам, связанным с Италией, в составе представителей США, СССР, Англии, Французского комитета национального освобождения, Греции и Югославии. Совет должен был сформулировать рекомендации с целью координирования политики союзников в Италии.

Это решение, несомненно, имело положительное значение. Оно несколько ограничивало возможности американских и английских военных властей произвольно действовать в Италии во вред интересам итальянского рабочего класса и демократическому развитию страны.

Обсуждая вопрос о послевоенной судьбе Австрии, участники конференции подчеркивали, что аннексия этой страны Гитлером была незаконной и три державы не считают себя связанными изменениями, которые произошли в Австрии после 1938 г., когда был осуществлен аншлюс. Во время этой дискуссии в зал вошел один из технических секретарей советской делегации и передал Молотову листок бумаги. Пробежав его глазами, советский делегат постучал карандашом по столу и попросил у присутствующих внимания.

— Господа, — начал Молотов и в его голосе чувствовалось волнение. — Только что получено сообщение о том, что Красная Армия освободила Днепропетровск. Эта победа достигнута в ходе широкого осеннего наступления, развернутого сейчас Красной Армией.

Раздались дружные аплодисменты, потом Хэлл и Иден поздравили советскую делегацию по случаю этой победы. На протяжении совещания Молотов несколько раз объявлял о новых крупных успехах Красной Армии. После перерыва обсуждался проект «Декларации об Австрии», которая и была принята.

Конференция рассмотрела некоторые вопросы, относившиеся к послевоенному устройству Европы. Эта проблема имела особенно важное значение, поскольку правящие круги США и Англии рассчитывали создать в Центральной и Юго-Восточной Европе федеративные объединения малых и средних государств. Нетрудно было догадаться, что эти объединения имелось в виду использовать в качестве орудия для достижения своекорыстных целей английских и американских империалистов. Такие планы означали попытку перекроить карту Европы в их интересах без учета пожеланий населяющих этот район народов. Советское правительство, естественно, не могло дать согласия на такого рода проекты.

В ходе состоявшейся дискуссии советский представитель решительно возразил против планов создания федераций и подчеркнул, что Советское правительство не видит целесообразности в создании таких специальных объединений. Эти планы, сказал советский представитель, напоминают о предвоенной политике «санитарного кордона», направленной против Советского Союза.

Иден принялся уверять, что его правительство и не думает о создании «санитарного кордона» против Советского Союза. Оно, дескать, заинтересовано лишь в создании такого кордона против Германии.

Молотов изложил советскую точку зрения по вопросу о послевоенном устройстве в Европе, Советское правительство, сказал он, исходит из того, что освобождение ма-

лых стран и восстановление их независимости и суверенитета являются одной из важнейших задач послевоенного устройства Европы и создания прочного мира. Советская делегация заявила об опасности преждевременного искусственного прикрепления малых стран к группировкам, запланированным без участия заинтересованных народов, о недопустимости какого бы то ни было постороннего вмешательства и внешнего давления при решении народами Европы своих судеб после войны. Советская делегация указала также, что попытки федерирования малых стран на основе решений, вынесенных эмигрантскими правительствами, не выражающими действительной воли своих народов, означали бы навязывание решений народам, не соответствующих их желаниям. В заключение советский представитель еще раз подчеркнул, что всякие попытки воскресить враждебную Советскому Союзу политику «санитарного кордона», скрывавшуюся за выдвинутыми на Западе проектами федераций, следует категорически отвергнуть.

Заявив твердую позицию по вопросу о заранее навязываемых извне формах объединения малых и средних государств в Европе, Советское правительство выступило в интересах народов этих стран, в интересах послевоенной безопасности Советского Союза и других государств, в защиту суверенного права народов Восточной и Центральной Европы самим определять свою судьбу. Известно, однако, что западные политики, особенно Черчилль, еще не раз пытались протащить идею «федерации» различных стран Европы.

Большое значение для дальнейших взаимоотношений между союзными державами имело решение Московской конференции об учреждении Европейской консультативной комиссии (ЕКК). Постоянным местопребыванием комиссии был избран Лондон. Это решение можно рассматривать как конкретное проявление намерения трех держав сотрудничать при рассмотрении важнейших послевоенных проблем. На Европейскую консультативную комиссию была возложена задача «изучать европейские вопросы, связанные с окончанием военных действий, которые три правительства признают целесообразным ей передать, и давать трем правительствам по ним объединенные советы». В частности, комиссии была поручена разработка условий капитуляции вражеских государств.

Еще одной важной темой дискуссии на Московской конференции было обсуждение Декларации об ответственности гитлеровцев за совершенные преступления. Первоначальный проект этого документа был разработан американцами и одобрен лично Рузвельтом. Уже в один из первых дней работы конференции Хэлл передал этот проект английской и советской делегациям, попросил рассмотреть его и в случае необходимости сделать к нему дополнения. Хэлл сказал также, что, по мнению американской стороны, Декларация должна быть подписана главами правительств трех держав. Он добавил, что было бы желательно обнародовать ее еще в ходе работы конференции. Молотов и Иден пообещали в ближайшее время рассмотреть проект Декларации.

В последующем текст проекта подвергся довольно обстоятельному обсуждению. В него были внесены некоторые изменения и дополнения, после чего он был направлен на окончательное утверждение трем руководителям держав антигитлеровской коалиции. Это заняло некоторое время, и в итоге Декларация была опубликована уже после окончания Московской конференции — 2 ноября 1943 г.

Стоит отметить, что во время предварительного обсуждения на конференции проекта Декларации Иден много говорил о необходимости создания «юридических форм» для «законного» рассмотрения дел военных преступников. Хэлл был настроен более решительно. Он заявлял, что, поскольку вопрос о совершении преступлений не вызывает сомнения, юридическая процедура только затянет дело, между тем как лица, совершившие преступления, должны быть наказаны без промедления. Этой же позиции придерживалась и советская делегация. Впрочем, спор этот был беспредметным, ибо сам текст Декларации предусматривал наказание именно тех, кто был виновен, причем в соответствии с законами стран, где преступники бесчинствовали. Декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства установила ряд принципиальных положений, которые были использованы при учреждении международных Нюрнбергских трибуналов.

Впоследствии некоторые западные политики, особенно Черчилль, пытались взять под защиту фашистских злодеев. Тут довольно ярко проявилось двуличие лидера тори.

Ведь не кто иной, как сам Уинстон Черчилль, был автором той фразы Декларации, где говорилось, что союзники найдут виновных «даже на краю света»!

На Московской конференции обсуждались и некоторые вопросы военно-технического характера. Поводом послужил доклад американского генерал-майора Дина, где вносился ряд конкретных предложений. Одно из них заключалось в том, чтобы Советский Союз предоставил базы для британских и американских самолетов, которые будут производить «челночные» операции по бомбардировкам промышленных районов Германии. В дальнейшем этот вопрос нашел положительное решение, и базы для таких операций были предоставлены советской стороной в районе Полтавы. Второе предложение касалось обеспечения более эффективного взаимного обмена информацией о погоде. В итоге обмен такой информацией был значительно расширен. Третье предложение предусматривало улучшение воздушных коммуникаций между СССР и США. По этому пункту Хэлл имел отдельную беседу с Молотовым. С советской стороны было дано согласие на развитие авиасвязи, и соответствующие советские органы получили указания разработать данный вопрос.

В ходе конференции состоялся обмен мнениями о желательности вступления в войну на стороне союзников Турции, а также о сотрудничестве со Швецией. С советской стороны была выдвинута точка зрения, что присоединение Турции к антигитлеровской коалиции способствовало бы сокращению сроков войны. Участники конференции обсудили вопрос о том, как побудить Турцию в ближайшее время объявить войну гитлеровской Германии. Что касается сотрудничества со Швецией, то на конференции обсуждалась возможность получения на ее территории баз для посадки самолетов союзников, действующих в районах Севера. В итоге состоявшейся дискуссии участники конференции согласились, что три державы продолжают в будущем изучение проблем Турции и Швеции.

По вопросу о репарациях были установлены некоторые общие принципы. Репарации следовало предъявить Германии таким образом, чтобы их выплата способствовала усилению послевоенной мировой экономики. Поэтому репарации должны были осуществляться в виде товаров и услуг, а не деньгами. Они должны распределяться пропорционально потерям каждой из жертв гитлеровской агрессии, и их следует ограничить определенным периодом. Стороны договорились о создании специальной комиссии по германским репарациям, в которую первоначально должны были входить представители трех держав, с тем чтобы в дальнейшем к ним могли присоединиться и представители других заинтересованных государств.

На одном из заседаний Хэлл поставил вопрос относительно Декларации Объединенных Наций в отношении зависимых стран, а также населения колониальных и подмандатных территорий. Проект соответствующего документа был подготовлен государственным департаментом, и Хэлл сказал, что он передал его Идену еще во время его пребывания в США в марте 1943 г.

Поднимая этот вопрос на конференции, Хэлл сказал, что хочет лишь ознакомить участников конференции с позицией Вашингтона по данному вопросу и не имеет в виду решать его здесь, поскольку понимает, что нет времени для рассмотрения намеченных предложений во всех деталях. Иден заявил, что он не готов к обсуждению данного вопроса, и добавил, что его правительство не согласно с точкой зрения, выраженной в этом документе. Молотов подчеркнул, что Советское правительство придает вопросу о зависимых странах большое значение и считает его заслуживающим дальнейшего изучения. По существу в этом предложении американцев нашло отражение их стремление прибрать к рукам отдельные районы, контролировавшиеся европейскими колониальными метрополиями. Естественно, что англичанам идея обсуждения вопроса о судьбе колониальных и подмандатных территорий не понравилась.

К концу конференции было принято совместное коммюнике, опубликованное одновременно в Москве, Вашингтоне и Лондоне 2 ноября 1943 г., вместе с принятыми конференцией документами, о которых речь шла выше. В коммюнике указывалось, что «с 19 по 30 октября 1943 года в Москве состоялась Конференция министров иностранных дел — Соединенных Штатов Америки г-на К. Хэлла, Соединенного Королевства г-на А. Идена и Советского Союза В. М. Молотова, имевшая 12 заседаний». Далее перечислялся состав участников переговоров со стороны Соединенных Штатов Аме-

рики, Англии и Советского Союза и указывалось, что повестка включала все «вопросы, поставленные на обсуждение тремя правительствами».

«Правительства Советского Союза, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов, — говорилось в коммюнике, — тесно сотрудничали между собой во всех вопросах, касающихся осуществления общего военного усилия. Тем не менее впервые Министрам Иностранных дел трех правительств удалось провести совещание.

В ходе встречи состоялись исчерпывающие и искренние дискуссии по поводу мероприятий, которые следует предпринять для сокращения сроков войны против Германии и ее сателлитов в Европе. Было использовано присутствие военных советников, представляющих соответствующих начальников Генеральных Штабов для того, чтобы обсудить определенные военные операции, в отношении которых были приняты решения, чтобы создать базу для теснейшего военного сотрудничества в будущем между тремя странами.

Признав первейшей целью ускорение конца войны, три Правительства также единодушны в том, что в их собственных национальных интересах и в интересах миролюбивых наций важно продолжить теперешнее тесное сотрудничество, установленное для ведения войны, также и на период, который последует за окончанием военных действий. Только этим путем можно добиться поддержания мира».

Рано утром 1 ноября американская и английская делегации покинули Москву. В Центральном аэропорту, украшенном флагами трех держав, был выстроен почетный караул. Первыми отбыли Хэлл и его делегация. Подойдя к микрофонам советской кинохроники, государственный секретарь США заявил:

— Я хочу сказать несколько прощальных слов официальным лицам и народу Советского Союза. Не хватает слов, чтобы выразить благодарность за замечательное гостеприимство, чувства доброй воли и дружбы, проявленные официальными лицами и народом этой страны ко мне и моим сотрудникам в течение нашего пребывания здесь. Эта международная конференция свидетельствует о больших возможностях и реальностях в отношении самых широких планов на будущее. Я уверен, что результаты этой конференции станут более ясными с течением времени и по мере того, как представится возможность осуществить то, что здесь было решено. Я вновь хочу выразить благодарность всем тем, кто способствовал удобству и успеху нашего посещения...

Оркестр исполнил государственные гимны СССР и США. На фоне хмурого осеннего неба ветер развеивал флаги, символизирующие единство держав — участниц антифашистской коалиции. Группу советских представителей, провожавших государственного секретаря США и министра иностранных дел Великобритании, возглавлял нарком иностранных дел СССР. Прощаясь, он попросил Хэлла передать президенту Рузвельту от маршала Сталина сердечный привет и выразил надежду, что личная встреча между этими двумя государственными деятелями скоро состоится. Хэлл ответил, что разделяет эту надежду, и добавил, что президент Рузвельт очень желает и ждет такой встречи. Пройдя несколько шагов по мокрой траве, Хэлл поднялся по низенькому трапу, помахал рукой и скрылся в почти касавшемся земли толстом брюке огромного американского бомбардировщика.

После того как самолет исчез из виду, состоялась церемония проводов английской делегации. Иден произнес следующую краткую речь:

— Мы чрезвычайно благодарны за гостеприимство и доброту, которые мы встретили в Москве. Мы все счастливы результатами нашей работы. Пока мы трое вместе — нет ни чего, что мы не могли бы осуществить. Если мы не будем вместе, то не будет ничего, что мы могли бы осуществить. Мы покидаем Москву счастливые тем, что понимаем друг друга лучше, чем когда-либо прежде...

Так закончилась московская встреча трех министров иностранных дел. Она имела важное значение для дальнейшего развития сотрудничества внутри антигитлеровской коалиции. Решения конференции положили начало разработке ряда важных принципов в позиции держав-победительниц как в отношении отдельных государств, так и в вопросах послевоенного устройства. Вместе с тем в ходе работы конференции ее участники получили возможность более обстоятельно ознакомиться с точкой зрения каждой из сторон, лучше понять суть противоречий, существовавших по конкретным вопросам текущей политики и в отношении более широких проблем.

Знакомясь сейчас с документами, опубликованными конференцией, с публичными заявлениями ее участников, читатель должен иметь в виду, что эти публикации делались в разгар войны перед лицом коварного общего врага, который, изучая подобного рода документы, пытался выискать хотя бы намек на разногласия среди союзников, чтобы попытаться использовать их в своих интересах. Естественно поэтому, что коммюнике и другие публичные сообщения и заявления того периода составлялись таким образом, чтобы в них нельзя было обнаружить и тени разногласия. Разумеется, вопрос о втором фронте и связанные с ним противоречия занимали особое место и в сущности из этого не делалось особого секрета. Но существовали, конечно, и другие серьезные расхождения между СССР и его союзниками из капиталистического мира, которые выявила, в частности, и Московская конференция.

Вместе с тем эта конференция показала и возможность согласованного решения сложных вопросов, относящихся как к вопросам ведения войны, так и послевоенного урегулирования. Наряду с другими важными решениями Московская конференция подготовила также условия для первой встречи глав правительств трех держав, которая и состоялась в Тегеране с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Результаты Московской конференции повсюду были встречены демократической мировой общественностью с большим одобрением. Само собой разумеется, что эти результаты и вообще вся благоприятная политическая атмосфера, в которой проходила конференция, были подготовлены блестящими победами советского оружия на фронтах Великой Отечественной войны.

* * *

Опыт союзнических отношений трех великих держав еще долго будет предметом интереса не только историков, но и тех, кто занимается проблемами современности. Прежде всего этот опыт доказал всем, кто способен извлекать уроки из хода событий, насколько лживой была пропаганда всякого рода антисоветчиков насчет того, что Советскому Союзу нельзя, дескать, доверять. История Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что Советский Союз, как участник антигитлеровской коалиции, всегда был верен союзническому долгу, неукоснительно выполнял взятые на себя обязательства. О верности Советского Союза своим обязательствам в совместной борьбе говорили тогда и руководители западных держав. В послании конгрессу от 6 января 1945 г. президент Ф. Рузвельт, отмечая выдающуюся роль Советского Союза в войне, подчеркивал: «В будущем мы никогда не должны забывать урок, полученный нами, мы должны иметь друзей, которые будут так же сотрудничать с нами в мирное время, как они сражались на нашей стороне в войне».

В памяти советских людей осталось то время, когда США и другие западные страны были нашими союзниками по антигитлеровской коалиции. Советский народ, как известно, высоко ценит вклад этих стран, как и всех Объединенных Наций, а также движения Сопротивления в дело разгрома общего врага. Советские люди помнят добрые чувства, которые проявили к Советскому Союзу миллионы американцев и англичан. Не забыли они и героических моряков, охранявших конвои с военными грузами, не забыли подвиги летчиков, наносивших по гитлеровской Германии удары с воздуха. Наш народ отдает должное ратным подвигам тех, кто сражался против фашизма в Европе, в Африке, на других фронтах.

Но вместе с тем нельзя забывать и того, что западные союзники далеко не всегда и не во всем выполняли свои обязательства. Наглядным примером может служить проблема второго фронта. По сути дела высадка в Нормандии произошла только тогда, когда советские войска вплотную приблизились к границам Германии, когда дальнейшая оттяжка такой операции могла повредить политическим целям западных держав. Уже тот факт, что вторжение англо-американских войск в оккупированную гитлеровцами Северную Францию произошло через долгие три года после нападения Германии на Советский Союз, говорит о многом. На протяжении всех этих лет западные союзники оттягивали открытие второго фронта, и Советская страна фактически одна отражала натиск отборных гитлеровских полчищ. Не трудно понять, что такая позиция свидетельствовала о стремлении империалистических держав Запада продик-

товать свои «условия мира» ослабленным кровопролитной войной странам. Аналогичная тенденция сказалась и в сокращении поставок по ленд-лизу, задержке конвоев и т. д. Все это нельзя не иметь в виду при оценке политики западных союзников в годы существования антигитлеровской коалиции.

Опыт Великой Отечественной войны показывает, что и на полях сражений, и на дипломатическом фронте тех лет Советский Союз одержал решающие победы. Они достались дорогой ценой. Но жертвы и усилия советского народа не пропали даром. Из горнила войны наша страна вышла еще более могучей, чем прежде. Неизмеримо вырос авторитет Советского Союза на международной арене. Европа и весь мир были избавлены от смертельной угрозы фашистского порабощения. Силы реакции хотели ликвидировать единственную страну социализма — Советский Союз. А в итоге после войны в Европе, Азии, Латинской Америке появились новые социалистические страны, возникло целое содружество социалистических государств.

Опыт последних лет подтверждает, что, несмотря на идеологические расхождения, вполне возможно сотрудничество государств с различными общественно-политическими системами по самому широкому кругу вопросов. Об этом говорят взаимовыгодные отношения, складывающиеся между Советским Союзом и Францией, Италией, Японией, а также другими странами. Это же подтверждает и благоприятное развитие отношений между СССР и ФРГ. Важным событием в развитии советско-американских отношений стала встреча в Москве в мае 1972 г. между президентом США Никсоном и советскими руководителями. Конечно, принципиальные идеологические расхождения между СССР и США — главными партнерами антигитлеровской коалиции периода второй мировой войны — остались. Сохранился и различный подход этих двух держав к общественно-политическим явлениям нашего времени. Но, руководствуясь ленинским принципом мирного сосуществования государств с различным общественным строем, Советский Союз вовсе не считает, что все это закрывает путь к деловым контактам. Ведь аналогичные различия существовали и в годы второй мировой войны, но они не помешали СССР и США сотрудничать в борьбе против общего врага.

Таким образом, уроки антигитлеровской коалиции, сотрудничества великих держав во второй мировой войне сохраняют свое значение и для наших дней. Важнейшие из них заключаются в том, что при наличии доброй воли, при трезвом, реалистическом подходе к проблемам нашего времени может быть налажено плодотворное сотрудничество между государствами с различными общественными системами. В этом смысле миролюбивая позиция Советского Союза открывала и открывает путь к сотрудничеству для всех, кто готов проявить добрую волю.